

ЛЮБОВЬ НА КАМЕННОМ ОСТРОВЕ

На небольшом острове Форе в Балтийском море, расположенном между Россией и Швецией, круглый год дуют ледяные ветры, пригибая к земле, усыпанной гладкими валунами, бессмертник и низкорослые деревья. Здесь царство странных елей с искореженными стволами и перекрученными ветками, колючего кустарника и земляники. По утрам по острову стелется зловещий туман. Лето на Форе короткое и холодное. Однажды здесь случайно оказались двое влюбленных. И на том самом месте, где зародилось их чувство - среди камней и сосен, — мужчина решил построить дом.

Как добраться до этого дома? Нужно взять в Стокгольме авиабилет до Виски — древнего города со средневековыми церквями. Там сесть в машину и преодолеть скалистый остров Готланд. Далее на торговом судне пересечь холодный ветреный залив. Многим людям, впервые вступившим на каменистую почву Форе, становится как-то не по себе. Тихо. Безлюдно. Страшно. И очень одиноко. Ветхие фермы местных жителей-невидимок и лачуги рыбаков кажутся необитаемыми. Ваша машина проедет мимо обширных пастбищ овец, которых, кажется, стерегут призраки — пастухов не видно, сквозь мрачный сосновый лес и цепкие кустарники, пока наконец не покажется уединенный дом, стоящий на берегу, как маяк у края моря. Он такого же цвета, что и валуны, дремлющие под шум волн у ваших ног.

случилось? Он видел плохой сон. Ну и что? Он с детства видит плохие сны. Но оказавшись наедине с белой бумагой и перьевой ручкой, Бергман почувствовал, что не напишет сегодня ни строчки. Такие дни случались в его жизни довольно редко, и все они были связаны с особыми событиями — разлукой с любимой женщиной, провалом спектакля, мучительными съемками... Но что же такого необычного случилось сегодня? А может, это некое предчувствие?

Он надвинул по самые брови шерстяную шапочку, поднял воротник рубашки и вышел на берег. Волны накатывались на песок, жалобно ныли чайки. Тяжелым шагом Бергман направился к своему любимому пирсу, на краю которого стоял его стул, прибитый гвоздями. Он часто приходит сюда, чтобы посидеть в безмолвии и подумать. Едва ступив на сырую доску пирса, старик вдруг резко остановился: его внимание привлек блеск какого-то маленького

В это утро Бергману было не по себе. Он видел плохой сон. Ну и что? Он с детства видит плохие сны. А может, это некое предчувствие?

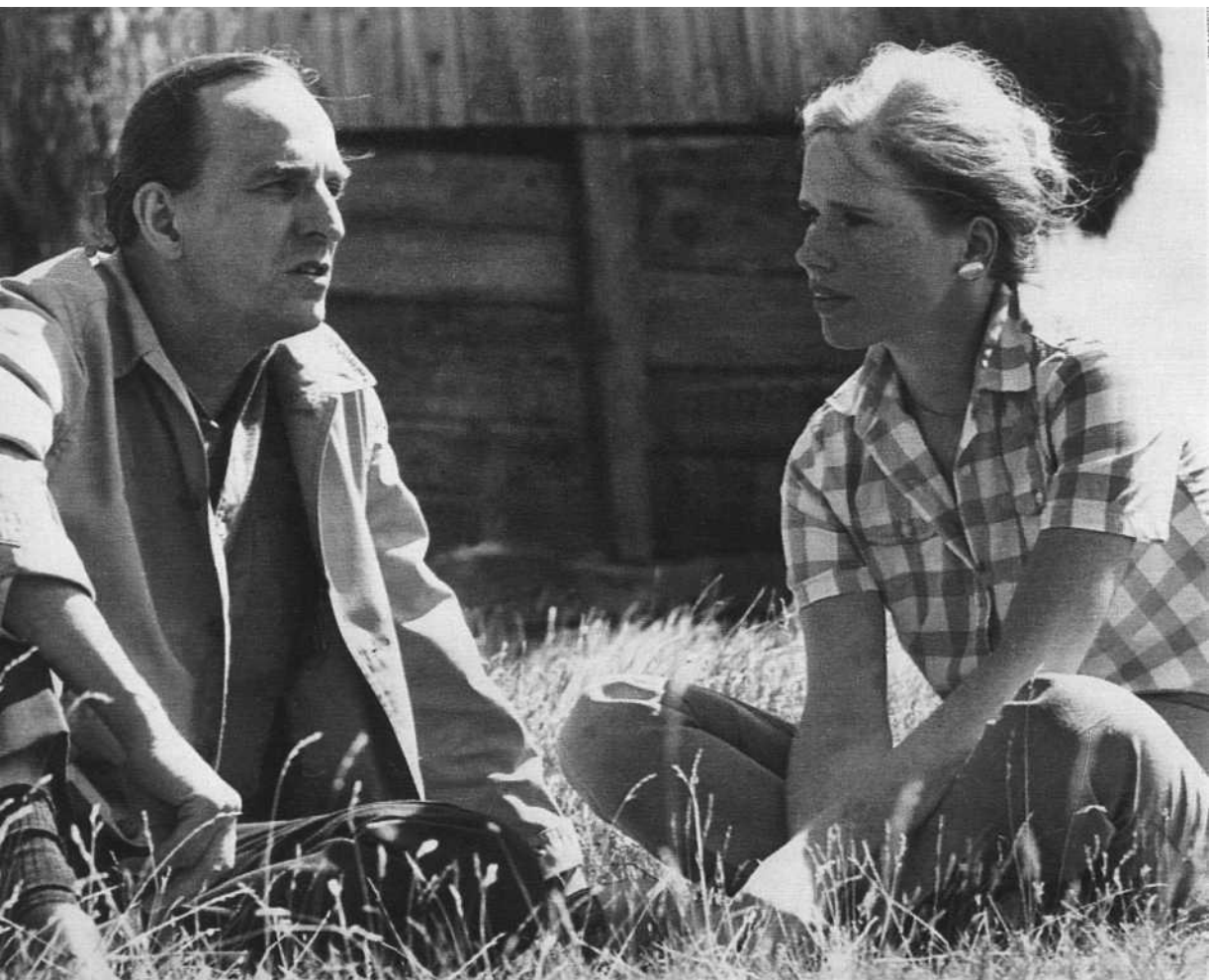
Здесь живет старик с невероятно светлыми серо-зелеными глазами, орлиным носом и странным выражением лица. На его губах словно застыла горькая полуусмешка. Ему недавно исполнилось 83. Он годами носит одну и ту же одежду — ветхую фланелевую рубаху, кардиган грубой вязки, вельветовые брюки и маленькую лыжную шапочку. Внешне он ничем не отличается от местных фермеров. Каждое утро встает в 8 часов, ест на завтрак всегда одно и то же — землянику и кислое молоко, затем идет в свой рабочий кабинет, где пишет до полудня. В этом просторном помещении нет ничего, кроме массивных дубовых стола и стула, стоящих у пустой белой стены.

Но в это осеннее утро ему почему-то было не по себе. Ингмар Бергман проснулся как обычно. Из окна тянуло ледяным сквозняком, завтрак показался ему отвратительным. Что

предмета на песке. Омывая берег, волны опять что-то принесли — драгоценный камешек или обычное стеклышко? Бергман нагнулся, чтобы поднять его. Господи, да это же монетка! Он поднял ее, поскреб ногтем плесень и увидел дату — 1965 год.

Бергман даже зажмурился: ему внезапно стало плохо, перехватило дыхание. Никаких сомнений быть не могло — это та самая монетка, которую они...

...Ясное солнечное воспоминание всколыхнулось в душе: он увидел себя сидящим на этом самом пляже летом. Летом 1965 года. Ему 47 лет. Рядом с ним лежит растянувшись на песке потрясающая девушка с огромными печальными глазами — такого же цвета, как и море, что их окружает. Девушку зовут Лив Ульман. Ей всего 26, но значительная разница в возрасте не мешает

В 1965 году Лив Ульман было всего 26, Бергману — 47, но значительная разница в возрасте не мешала ни ему, ни ей

Ингмар даже зажмурился: у него внезапно перехватило дыхание. Никаких сомнений быть не могло — это та самая монетка, которую они...

ни ему, ни ей. Она весело хохочет — пирамидка из гладких камешков, которую они уже битый час пытаются построить, неизменно рассыпается.

— А знаешь, — вдруг предлагает Лив, — давай зароем в песок монетки, а потом, когда мы будем старыми, одинокими, брошенными всеми, найдем их, все вспомним, и нам станет весело.

Она делает указательным пальцем несколько ямок во влажном песке, аккуратно прячет туда мелкие монеты. Засыпая их, шутивно бубнит какие-то заклинания.

Что они делают здесь, на этом безлюдном острове? Ах да... снимают фильм «Персона». Маленькая киногруппа ютится в небольшом домике. Лив играет онемевшую актрису, Биби Андерсон — ее служанку. За 90 ми-

нут картины у Лив всего лишь одно «громкое» слово: «Ничего». Когда юная актриса позволила себе бестактное замечание по поводу странности роли, Бергман ответил:

— Представьте себе, что в мире нет слов, нет языка, и единственный способ общения между людьми — это глаза, руки и переживания.

Он не знает, когда впервые почувствовал, что влюбился в свою актрису. Может быть, когда они гуляли вечерами по берегу, играя в какую-то нелепицу: Бергман просил ее молчать — и тогда в затяжной тишине он начинал тосковать и просил, чтобы Лив заговорила снова... Или когда делал на мониторе стоп-кадр и зачарованно смотрел на крупный план ее лица... Он помнил, как однажды они ушли с Лив далеко от снi-

Кадр из фильма «Персона» (1966 г.)

маемого их группой домика и увидели небольшую насыпь из серых камней, переходившую в голую высушенную безжизненную землю. Сев тут же на песок, они стали смотреть на море, которое в тот день было спокойным. Бергман взял руку Лив и сказал: «Сегодня ночью я видел сон. Будто тебя нет, и мне от этого ужасно плохо».

На этом самом месте ровно через год он построит свой дом — там, где родилась их любовь. Серо-коричневую землю местами покрывал сухой мох, всюду было столько холодных камней, что все его друзья недоумевали: зачем Ингмар решил обосноваться здесь, на этом осколке каменного века? Много позже, когда они расстанутся и Бергман попытается проанализировать ушедшую любовь холодным разумом, он так и не сможет понять, что же в этой девушке

его так неудержимо притягивало. В женщинах он всегда искал мать — во всяком случае, в этом его уверял личный психотерапевт. Идеалом Бергмана, по мнению врача, должна быть цельная, сильная натура, способная сосуществовать на равных рядом с ним, самодостаточная, с ярко выраженным материнским началом. Лив же была полной противоположностью этому образу — без заботы и внимания она крошилась на кусочки и умирала от страха. Как-то Лив призналась, что ей бы очень хотелось превратиться в стрекозку и свить гнездо на его плече, прямо у самой щеки.

Первое время Бергман тяготился этим сильным чувством, которое парализовывало его, туманило, полностью уводило от реального мира и, самое главное, мешало сосредоточенно работать. Вне его союза с Лив

теперь не существовало ничего, и он уже не мог сопротивляться этому чувству. Сумасшедшая любовь к молодой женщине пробудила в нем самые негативные черты: жестокую ревность, подозрительность и, как прямое следствие, нервозность и грубость.

Ему всегда хотелось написать книгу о Лив, но память оставила только разрозненные обрывки ярких и бессвязных воспоминаний, которые он раскладывал, как фрагменты коллажа, пытаясь выстроить что-то цельное. Не получалось. Ну и пусть, он будет довольствоваться и этими «не-смонтированными» эпизодами их интимного фильма...

Они любили искать тайный смысл слов и названий. Так, имя Лив означает по-норвежски «жизнь», а название Форе переводится со шведского как «овечий остров». Овцы

здесь были священными животными — они паслись на бескрайних пастбищах круглый год и выглядели зловеще, напоминая выходцев из других времен: голова странной формы, большое массивное туловище, покрытое шерстью, ниспадающей до земли.

Окно их спальни выходило на море. По ночам Бергман и Лив любили подолгу сидеть в темноте, высматривая во мраке огни проходящих вдалеке судов, воображая себя потерпевшими кораблекрушение и зывающими о помощи. Они разыгрывали сценки «своих последних минут», представляя себе, как проведут их вместе в одном долгом и горьком поцелуе.

— Такие печальные мысли посещают нас потому, — объяснял ей Бергман, — что дом стоит уединенно, как маяк, и в нем живем только мы.

Он мечтал жить в гармонии с собой и природой. В тишине, которая так много значила для него...

Однажды Лив призналась:

— Когда я была девочкой, я мечтала о другом острове. Там тепло, растут пальмы, фрукты, цветы. А на твоём острове живут только эти странные кривые низкорослые ели мрачного зеленого цвета. Они стелются по земле, и только самые сильные из них могут слегка подняться вверх. В сумерках они похожи на каторжников, простирающих руки к Всевышнему.

Единственное на острове красивое и стройное дерево росло за ок-

ном их гостиной. Бергман говорил, что это дерево Лив. Зимой, после того как она уехала, в первую же вьюжную ночь ветер повалил дерево на землю. Бергман был даже рад этому: теперь уже ничто не напоминало ему о потере.

Лив оживала только в периоды короткого лета, когда вокруг появлялись зеленеющие растения и воздух наполнял сладкий запах спелой, нагретой солнцем земляники — это так напоминало ей цветущие поля из ее детства.

Она приехала на остров с одним чемоданом спешно собранных пос-

тругая куцалась. Лив не могла, как прежде, приласкать свое обожаемое животное, когда Бергман находился поблизости: это вызывало в нем настоящие приступы бешенства. А когда Ингмар брал Лив за руку, Пет щерилась, рычала или принималась протяжно выть.

В прежнем доме она занимала почетное место в центре гостиной, теперь же ей отвели маленький коврик в углу прихожей. Вход в общую комнату ей был запрещен. Лив могла посюсюкать с Пет, лишь когда Бергман работал в своем кабинете или выходил погулять на берег.

Они стали смотреть на море. Потом Бергман повернулся к Лив и сказал: «Сегодня ночью я видел сон. Будто тебя нет, и мне от этого ужасно плохо»

ле своего первого развода вещей и собакой Пет. Собакой, которая в прежней жизни, точно так же, как и ее хозяйка, любила другого мужчину. Между Бергманом и Пет мгновенно возникла взаимная неприязнь. Ингмар подговаривал друзей забрать пса себе, «забыть» в другом конце города, отправить, наконец, к ветеринару, чтобы тот ее усыпил. Бергман и Пет вели в доме настоящую позиционную войну: один раздавал пинки,

Но собака оказалась хитрой: довольно скоро она сделала трезвый вывод — хозяина дома надо любить, иначе выйдет себе дороже. И Пет принялся медленно завоевывать сердце Ингмара. Началось все с робкого продвижения в центр гостиной — по метру в день, пока наконец она не очутилась на заветном месте около камина. Ни одна собака в мире не выражала такое понимание и заинтересованность, как Пет, когда Берг-

ман читал Лив вслух наброски нового сценария. Она одобрительно повизгивала, когда он заводил свои любимые пластинки. Радостно виляла хвостом, когда Ингмар, собираясь к морю, накидывал на плечи куртку, и всем своим видом демонстрировала,

что будет просто счастлива составить ему компанию.

Когда пять лет спустя Лив покидала дом, уходя от Бергмана, он, провожая ее, стоял в дверях вдвоем с собакой. Пет была беспокойной и суетливой. Обнюхивала землю, вертелась,

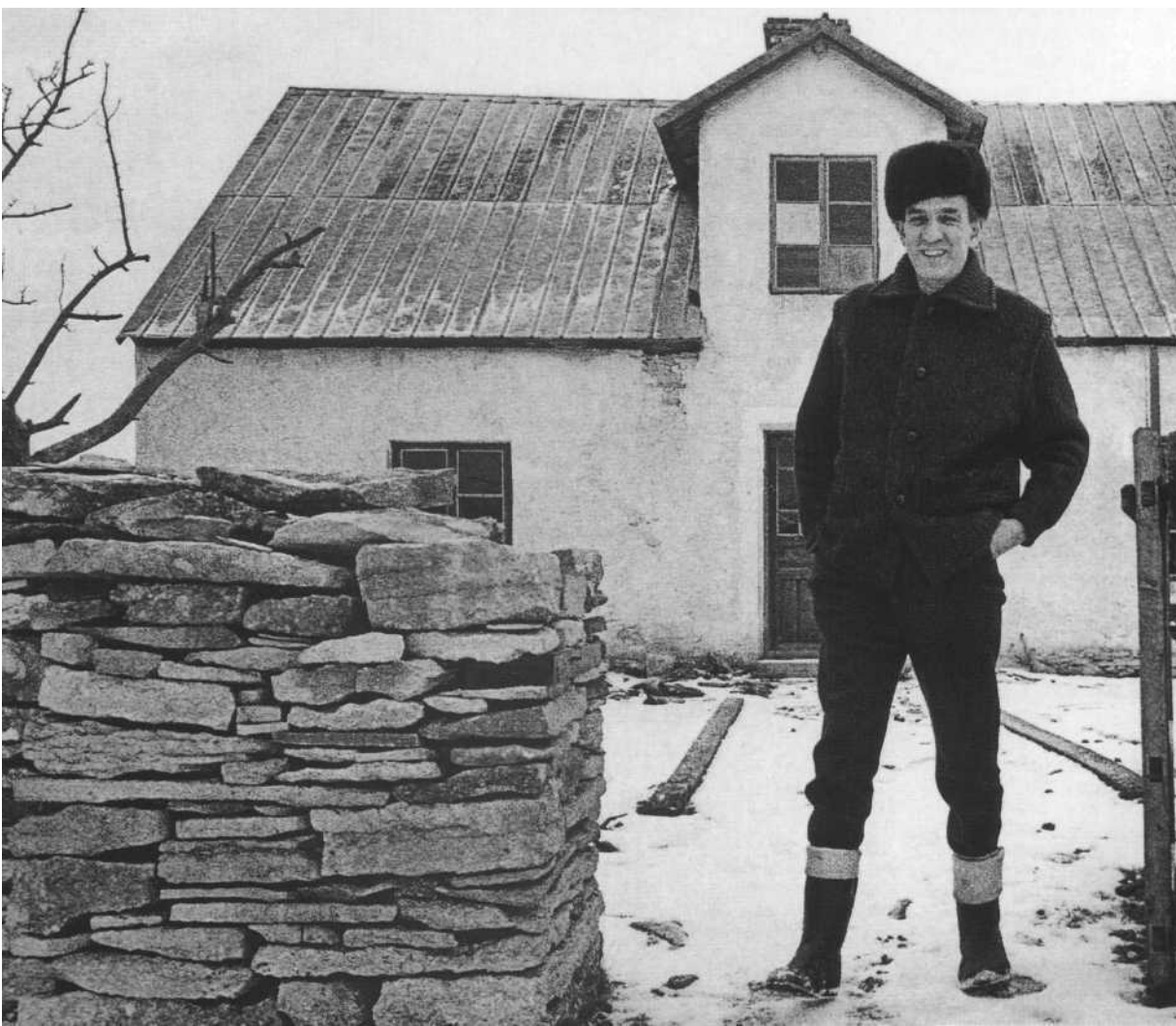
будто стыдилась своего коварного, расчетливого предательства.

Много позже Бергман получит от Лив письмо, в котором Пет будут посвящены такие строки: «Я слышала, что ей, достигнувшей пятнадцатилетнего возраста, уже позволено лежать на святая святых — твоём письменном столе, где рождаются новые сценарии! И меня не удивит, если в ее тщеславной душе живет мечта обрести бессмертие в одном из твоих великих фильмов».

...Бергман сидел понурился. Воспоминания овладели им настолько, что Ингмар даже не почувствовал, что накатывающиеся волны замочили ему ноги до самых колен. Море так беспокойно, возможно, се-

Бергман и Пет вели войну: один раздавал пинки, другая кусалась. Когда Ингмар брал Лив за руку собака щерилась, рычала или протяжно выла

Все его друзья недоумевали: зачем Ингмар решил обосноваться здесь, на этом осколке каменного века?

Появление дочери Линн полностью изменило их жизнь. К своему огромному неудовольствию, Ингмар стал замечать, что постепенно отходит для Лив на второй план

годня ночью будет шторм... Почему, ну почему он, всегда профессионально выстраивавший жизнь своих персонажей на бумаге, сейчас бессилён воссоздать в памяти связную историю своей любви? Обрывки фраз, отдельные слова, взгляды, жесты, прикосновения — неужели весь этот драгоценный хаос и есть то, что люди называют памятью?

...На острове рождественский вечер 1967 года. Лив приготовила праздничный ужин. Приняв за свежую, купила копченую подсолонную свинину и жарила ее в течение часа, в результате на стол было подано совершенно несъедобное блюдо. Мало того, собираясь украсить дом свечами, Лив недооценила погодные условия и купила слишком тонкие — и сейчас их дом сотрясало от сумасшедшего шторма, а сквозняки постоянно задували крохотные огоньки. Она зажигала свечи — они гасли. К тому же, как оказалось, Лив по рассеянности приобрела вместо празд-

ми, что нога пробила дверь, оставив в ней зияющую дыру, через которую пролетела его туфля, угодив прямо в унитаз...

Еще Ингмар вспомнил, как однажды на отдыхе в Риме в порыве ревности (ему показалось, что их общий друг, оператор Свен Нюквист, оказывает Лив чересчур явные знаки внимания) так ее толкнул, что бедняжка пролетела через весь гостиничный номер. Он помнил, как она побелела от ужаса и тут же, заливаясь слезами, сообщила ему новость, которую намеревалась сказать вечером во время романтического ужина при свечах: «Я беременна».

Появление дочери Линн полностью изменило их жизнь. К огромному неудовольствию Ингмара, он стал замечать, что для Лив постепенно уходит на второй план. Это приводило его в состояние иступления. И Бергман развернул настоящие боевые действия против Лив и ребенка, всячески подчеркивая, что главным

«Ты накличешь на нас беду! — кричал Ингмар. — Черная кошка, погребальные свечи — этого достаточно, чтобы рассердить ангелов!»

ничных свечей погребальные. Бергман был вне себя от ярости. Так испортить Рождество! Как Лив могла так жестоко обойтись с ним, она же знает, как болезненно он воспринимает такие приметы!.. Еще с утра к их порогу приковылял бездомный черный кот, а она, вместо того чтобы гнать его прочь, налила ему тарелку супа... Бергман не дождался конца праздника и устроил ей взбучку. «Ты накличешь на нас беду! Черная кошка, погребальные свечи и несъедобное мясо — вполне достаточно для того, чтобы рассердить ангелов!» — кричал Ингмар, топая ногами и грозя указательным пальцем. Его перекошенное от недовольства лицо, освещаемое в темноте лишь вспышками молний, так напугало Лив, что она заперлась в туалете. Но Ингмар не унимался. Бросившись за ней вдогонку, он стал колотить ногой в дверь. Удары были такими сильными

человеком в сердце его женщины должен остаться он, а не какое-то там крохотное существо, не умеющее даже толком объясняться. Это выражалось во всем — и в поведении Ингмара, и в его жестах, и в резких, порой очень обидных, словах. Он постоянно придумывал «наказания» Лив и ребенку — категорически отказываясь возиться с маленькой дочкой, гулять на берегу, кормить с ложечки, хотя видел, как тяжело приходится Лив, как она падает с ног от бессонных ночей и материнских забот. Когда он слышал, как жена отказывается по телефону очередному продюсеру или режиссеру, предлагающему ей новую роль, мотивируя это полным отсутствием времени, лицо Бергмана озаряла иезуитская улыбка. Он понимал, что держит на привязи гениальную актрису, которая не должна принадлежать никому, кроме него. Много позже, когда они расста-

нутя, Лив наймет Линн нянюку (Бергман всегда был категорически против этого) и сможет наконец-то возобновить свою работу в театре и кино.

Когда девочка стала чуть старше, отец настоял, чтобы ее отселили в детскую комнату в дальнем крыле дома. Лив тяжело переживала «разрыв» с малюткой. Потеряла сон — все лежала и прислушивалась к каждому

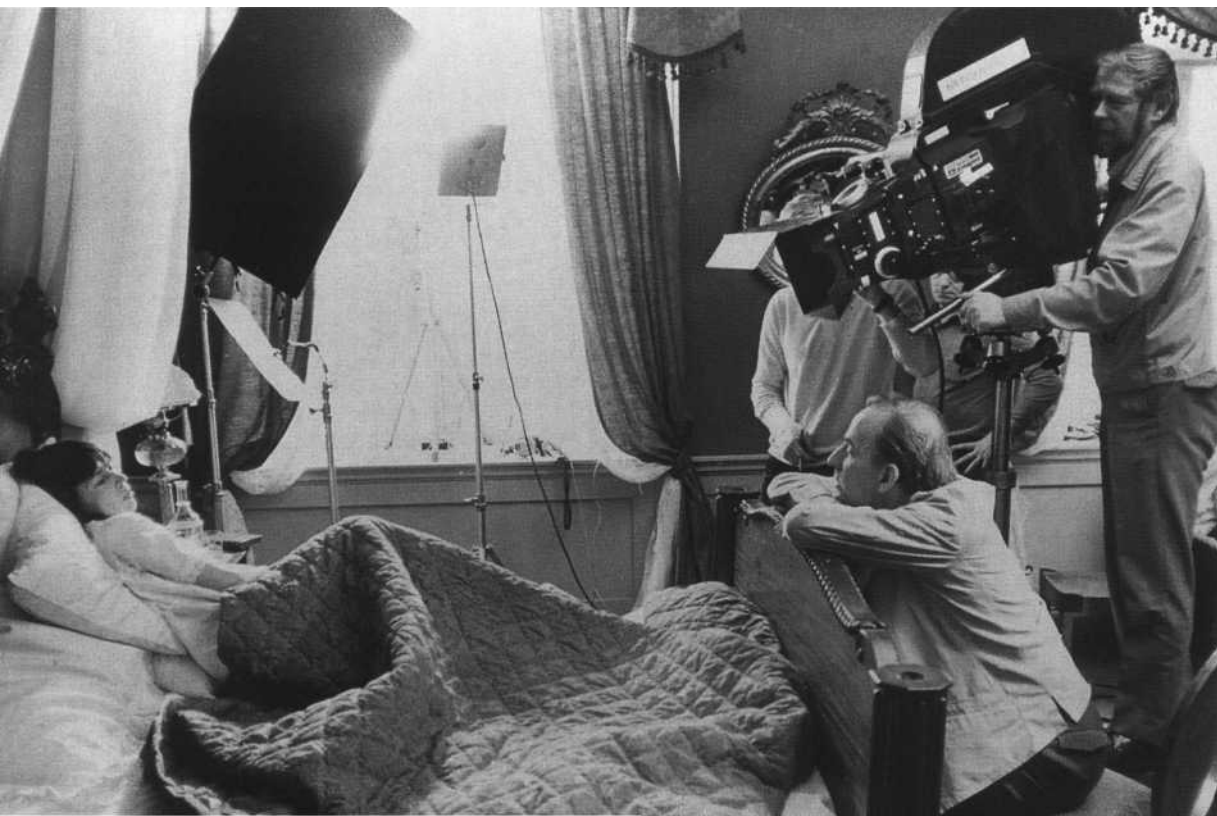
шороху, доносящемуся из коридора. Сколько ссор у них было по этому поводу! Иногда Лив целый день металась по дому, как затравленный зверь: в кабинете сидел надутый Ингмар, нервным стуком серебряной ложечки по стакану напоминая о том, что горячее молоко им уже давно выпито и срочно требуется еще, в детской же раздавался плач звавшей маму Линн, учившейся делать пер-

вые шаги. Однажды, когда Лив не успела вовремя, малышка упала и ушиблась. Утешая Линн, она слышала, как рассвирепевший Ингмар, так и не дождавшийся ее прихода, громко колошматит кулаком по столу. Пройдут годы, но именно этот случай Лив никогда не сможет простить Ингмару. Возможно, в тот день она впервые почувствовала, что живет с чужим человеком.

Семейный ритуал: каждый день после обеда Ингмар, Лив и Линн переправлялись на пароме на другую сторону пролива Форесунд, отделяющего их островок от большого острова Готланд, за свежими газетами. На обратном пути они часто покупали мороженое. Даже зимой, когда штормило и прохожие с пунцовыми носами кутались в шерстяные шарфы, все трое сидели в машине и ели эскимо.

Заливаясь слезами, Лив сообщила ему новость, которую намеревалась сказать вечером во время романтического ужина: «Я беременна»

На съемках фильма «Шепоты и крики» (1972 г.)

«Я пытаюсь полюбить это бурное море, пытаюсь убедить себя, что смогу пробиться сквозь стену непонимания. Порой мне хочется превратиться в его перьевую ручку! Возможно, тогда он будет проводить со мной больше своего драгоценного времени...» — писала Лив Ульман в своем дневнике

Порой, когда ребенок вел себя тихо и незаметно, Ингмар ненадолго смягчался. Именно эти короткие мгновения семейной гармонии и единения остались с ним и по сей день: вот они все трое идут в лес собирать землянику. А вот лежат ночью на веранде прямо на матрасах и хохочут, а снаружи гремит гром, бушует ураган и хлещет дождь. Дом наполнен горячим воздухом от камина, запахом свежих маковых булочек, купленных Лив у соседа-пекаря, и земляникой, собранной утром в лесу и благоухающей в корзинках, стоящих в прихожей.

Или вот это воспоминание: Ингмар и Линн заперлись в его кабинете, чтобы шепотом поверить друг другу свои тайны. А еще были летние дни, когда все трое молча сидели около дома на нагретых солнцем гладких валунах и смотрели на море, птиц, облака.

Как-то раз Ингмар случайно уз-

тельности тяну руки к человеку, который все время молчит, сидит в своем кабинете и пишет, пишет... Мне так необходимо общение с ним, а он прекрасно обходится без меня и ребенка. Этот дом на отшибе мира, построенный им среди камней и истертых деревьев-мутантов, окруженный каменной стеной, как бункер, возможно, и есть смысл его существования — ничего и никого лишнего.

...Я хожу по берегу, пытаюсь убедить себя в том, что все еще может быть хорошо, что я просто часть островной природы. Я пытаюсь полюбить это бурное море, стараюсь убедить себя, что смогу пробиться сквозь стену непонимания. Порой мне хочется превратиться в его перьевую ручку! Возможно, тогда он будет проводить со мной больше своего драгоценного времени...

.. Я уже почти пять лет на этом острове. И все это время девушка, которая живет внутри меня, беспрестан-

Лив знала, что Бергман сидит в зале, а потому играла нервно, с надрывом. Казалось, она пытается поквитаться с ним за прошлые обиды

нал, что Лив тайно от него ведет дневник. Был прекрасный летний вечер, Лив и Линн играли с Пет на берегу. Ингмар поглядывал на них из окна, чтобы в любой момент захлопнуть тетрадку и вернуть ее на прежнее место — во второй ящикек комода. Нервозность ситуации мешала ему быть сосредоточенным, строки прыгали перед глазами, он едва угадывал их смысл.

«...Я смотрю на нашего ребенка, сознавая, что ответственность за него скоро ляжет на меня одну. Отец Линн должен жить своей собственной жизнью, своими сценариями и в кругу выдуманных им персонажей — вблизи нас, но не с нами...

...Здесь, на этом каменном острове, я изолирована от всего, что раньше было моей жизнью. От шума улиц, смеха прохожих, запаха городского вокзала, сигналов машин. От голосов людей. Я нуждаюсь в тепле, нежности и понимании, а в действи-

но плачет. Что я смогу увезти с собой на память отсюда? Камни, деревья, скудную красоту? Ведь больше тут ничего нет...»

...Бергман разжал пальцы и вновь посмотрел на монетку. Она уже совсем согрелась и даже немного блестяла, отражая редкие короткие лучи света, пробивающиеся сквозь облака.

Почему он потерял эту женщину — такую талантливую, тонкую и умную? Он никогда не упускал ее из виду, всегда знал, чем она занимается, приезжал на премьеры всех ее фильмов и спектаклей, которые снимали и ставили уже другие режиссеры. Как-то на представлении «Кукольного дома» Ибсена, в котором Лив играла главную роль — изнывающую в несчастливом браке Нору, он испытывал ужасные ощущения. Лив знала, что Бергман сидит в зале, а потому играла нервно, с надрывом. Казалось, она пытается поквитаться с

Бергман и Ульман на съемках фильма «Лицом к лицу» (1976 г.)

«Меня поили, кормили, одевали, мое же дело было развлекать тебя. Весь наш дом был большой детской, а я в нем — твоей куколкой-женой»

ним за прошлые обиды. Когда дошло до одного из ее финальных монологов, Лив-Нора нашла взглядом в полумраке зала Бергмана и произнесла, обращаясь к нему: «Меня поили, кормили, одевали, а мое дело было развлекать тебя. Весь наш дом был большой детской, а я в нем — твоей куколкой-женой. Твоя вина, что из меня ничего не вышло. Поэтому мне надо

постараться воспитать себя самое. И не у тебя мне искать помощи. Мне надо заняться этим одной. Поэтому я ухожу от тебя. Я прежде всего человек, а не жена. Или по крайней мере должна постараться стать человеком».

В чем его вина? В том, что он так безумно любил ее, что хотел спрятать от всего мира только для себя

одного? Даже от их собственного ребенка? Возможно, они и по сей день оставались бы вместе, будь Лив Ульман простой, обыкновенной женщиной. Но Лив была особенной — цветущим оазисом на его каменном острове, который он так и не смог для себя открыть и обжить. Он требовал от нее полного самозабвения, исключительной преданности, а сам не мог, не хотел и не умел ничего дать близкому человеку...

Уйти от него «на скорую руку», в порыве эмоций, ей было непросто — причем как в прямом, так и в переносном смысле.

Сначала надо было миновать на машине трое или четверо ворот: выйти из машины, открыть ворота, проехать через них, снова выйти и закрыть за собой. Потом дожидаться

Лив Ульман с дочерью Линн на Международном кинофестивале в Канне (1997 г.)

Обычно, когда Лив наконец добиралась до аэродрома, ее гнев уже улетучивался, и она возвращалась. Часто Бергман стоял, ожидая ее у ворот

парама, который ходил раз в час, а перепалки Ингмара и Лив никогда не совпадали с его расписанием. Но если Лив все же удавалось перебраться через пролив, ей еще предстояла часовая дорога до аэродрома. Пока она до него добиралась, гнев улетучивался, и она возвращалась обратно. Час-

то Бергман стоял, ожидая ее то у одних ворот, то у других.

Однажды, когда они по-настоящему поссорились и твердо решили, что не будут связываться со сложной дорогой, Бергман позвонил и заказал гидроплан, который мог опуститься около парама. Чтобы избе-

жать огласки, в случае если сидящая рядом с пилотом Лив вдруг расплачется, Ингмар объяснил по телефону, что жене нужно как можно скорее попасть домой, потому что ее старенькая бабушка находится при смерти. Лив быстро собирала вещи, а он сидел на стуле и, слегка улыбаясь, смотрел на нее. В конце концов они снова помирились здесь же, около упакованных чемоданов. Когда же Лив вспомнила о самолете, ему пришлось перезвонить и сказать, что необходимость в полете отпала — бабушка внезапно выздоровела.

И все-таки минута окончательного расставания наконец наступила. Они делали вид, что упакованные вещи (на этот раз в полном спокойст-

вии и без спешки) ничего не означают. Просто предстоит недолгая поездка в Норвегию, к родственникам Лив.

Спустя годы она вернется сюда совершенно при других обстоятельствах — привезет Линн погостить на все лето к ее отцу и... его новой жене Ингрид. В доме, который когда-то принадлежал ей, все будет по-прежнему — расставленная на тех же местах мебель, посуда, коврики на полу,

кактусы. Будто время остановилось в том далеком счастливом прошлом. Каким-то чудом Ингмару и Лив удалось сохранить добрые отношения. Только расставшись, они сумели стать настоящими друзьями.

— Знаешь, — скажет печально Лив, когда окажется с Ингмаром наедине, — я поняла очевидную истину: никто никому не принадлежит. Ничто не кончается раз и навсегда. Там, где ты оставил часть самого лучшего и ис-

тинного, что было в тебе, там всегда будет твой дом...

...Бергман поднял над головой мотку и со всего размаху швырнул ее как можно дальше в воду. Начинался настоящий шторм. Едва он сделал шаг назад, как стул, на котором он только что сидел, окатила пенная волна.

Каждое лето в Форе приезжают его дети, жены и внуки. Они наполняют этот остров радостью. Всю долгую затворническую жизнь никто из людей не интересовал его по-настоящему — он все время был занят: снимал фильмы, ставил спектакли, писал сценарии. А теперь в нем что-то сломалось. Он протягивает к своим близким руки, хочет погреться около их смеха, детского щебета, звуков и голосов. Он так соскучился по тем, кто всегда любил его и на кого у него никогда не было времени...

Миля Тарасова

В чем его вина? В том, что он так безумно любил ее, что хотел спрятать от всего мира только для себя одного? Даже от их собственного ребенка?

Каждое лето в Форе приезжают дети, жены и внуки Бергмана. Они наполняют этот остров радостью

